

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ

НА ЛИНИИ ОГНЯ

«На линии огня» — шедевр,
литературная глыба
и лучший роман Артуро
Переса-Реверте.

El Correo

Оглавление

Часть первая. Тени на берегу

I
II
III
IV
V
VI

Часть вторая. Лоб в лоб

I
II
III
IV
V
VI
VII

Часть третья. Зубы дьявола

I
II
III
IV
V
VI

Эпилог

БОЛЬШОЙ
РОМАН

КНИГИ
Артуро Переса-Реверте,
опубликованные Издательской Группой
«Азбука-Аттикус»

Приключения капитана Алатристе

Капитан Алатристе

Чистая кровь

Испанская ярость

Золото короля

Кавалер в желтом колете

Корсары Леванта

Мост Убийц

Кожа для барабана

Фламандская доска

Краткая история Испании

Учитель фехтования

Эль-Сид, или Рыцарь без короля

Тень гильотины, или Добрые люди

Осада, или Шахматы со смертью

Королева Юга

На линии огня

АРТУРО
ПЕРЕС-РЕВЕРТЕ
НА ЛИНИИ
ОГНЯ

Издательство «Иностранка»
МОСКВА

Arturo Pérez-Reverte
LÍNEA DE FUEGO
Copyright © 2020 by Arturo Pérez-Reverte
All rights reserved

Перевод с испанского Александра Богдановского
Оформление обложки Егора Саламашенко
Издание подготовлено при участии издательства «Азбука».

Перес-Реверте А.
На линии огня : роман / Артуро Перес-Реверте ; пер. с исп. А.
Богдановского. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2022. — (Большой
роман).

ISBN 978-5-389-21232-9

16+

1938 год, Гражданская война в Испании. Десять дней республиканцы и франкисты отбивают друг у друга городок Кастельетс-дель-Сегре, не имеющий особой стратегической важности. Интербригадовцы и фалангисты, ополченцы и «красные береты», мужчины и женщины, те, кто ушел воевать по убеждению, и те, кого забрали в армию против воли, храбрецы и трусы, те, кому нечего терять, и те, кому есть куда вернуться, — тысячи людей, которых объединяет очень многое, а разделяет только линия фронта, сражаются друг с другом и гибнут, не всегда помня, за что, и до последнего мига отчаянно не желая умирать. Это война — и она постепенно пожирает всех.

«В какой-то момент понимаешь, — говорит Артуро Перес-Реверте, — что на гражданской войне нет добра и зла — есть только схватка одного ужаса с другим». «На линии огня» — роман о настоящей войне, где нет героизма, а есть только обнаженная, до скелета ободранная и порой героическая человечность и неотступный страх смерти. В этом грандиозном эпосе реальные свидетельства переплетаются с литературным вымыслом, а из маленьких историй множества людей складывается колоссальная пронзительная картина, в которой невозможно выбрать, на чьей ты стороне, потому что по обе стороны — просто люди, и «самое гнусное — что враг зовет мать на родном тебе языке».

Впервые на русском!

© А. С. Богдановский, перевод, 2022
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022
Издательство ИНОСТРАНКА®

Пресса об Артуро Пересе-Реверте и «На линии ОГНЯ»

Мы все знаем Артуро Переса-Реверте. Этот человек в выражениях не стесняется — он говорит ясно, за словом в карман не лезет и называет вещи своими именами. Этого человека сложно оскорбить — он сам кого хочешь оскорбит.

«На линии огня» — роман не о борьбе добра со злом, здесь нет героев и злодеев. Более того, едва начав читать, забываешь, на чьей ты стороне. Здесь все персонажи живые и все очень молоды, просто до неприличия молоды — мужчины, женщины и подростки, ополченцы и легионеры, республиканцы и франкисты.

Это гуманистический роман — и очень жестокий, как и Гражданская война, как любая война, в которой проигрывают все, а выигрывают очень немногие. Это ослепительная, зверская книга, выкованная из множества маленьких личных историй, которые переплетаются и складываются в великую катастрофу.

Esquire

«На линии огня» — не только роман о боях, стрельбе, крови, отваге, тяготе и неотступном страхе смерти (порой о страхе «сознательном, спокойном, не мешающем рассуждать и размышлять»); это сокрушительное динамичное повествование о людях, которые сходились лоб в лоб и гибли в этой беспощадной мясорубке. Надо думать, в глубине души Артуро Перес-Реверте посвятил эту книгу солдатам, которые сражались на этой войне, а затем, возвратившись домой, больше не обмолвились о ней ни словом.

Nueva Tribuna

Сочетая скрупулезность с изобретательностью, самый популярный испанский писатель создал не просто роман о Гражданской войне в Испании, но мощный эпик о мужчинах и женщинах на любой войне — историю беспристрастную и завораживающую.

Lecturalia

Грандиозная, шокирующая и глубокая работа — сплошь живая плоть и кости, ни грамма жира. Перед вами Артуро Перес-Реверте в зените своей литературной зрелости, свободный от любых условностей.

El Día de Valladolid

Артуро Перес-Реверте в лучшем виде. Его романы переплетаются друг с другом в сложную сеть, которую классика называла стилем, а современность — миром.

ABC Cultural

Этот роман не оставит равнодушным никого. Артуро Перес-Реверте знает, о чем говорит, и знает, как об этом рассказать.

ABC

«На линии огня» — военный эпик о смятении, беспомощности и страхе.

El Mundo

Исчерпывающий роман о Гражданской войне в Испании, грандиозный и увлекательный литературный проект — преодолевая время, он погружает нас в реальность истории и, вопреки жестокости сюжета, неодолимо завораживает.

La Vanguardia

«На линии огня» — великий роман.

El Confidencial

Этот роман, амбициозный и достоверный, избегает бинарного упрощенчества — это великая книга, призывающая к примирению.

El Cultural

Волшебная палочка Переса-Реверте не только умело создает вымышленных персонажей, которые населяют повествование с той же достоверностью, что и настоящие, но и позволяет автору разъяснить самые сложные вопросы простым и понятным языком.

La Gaceta Regional de Salamanca

Есть писатель, похожий на лучшую версию Спилберга, помноженного на Умберто Эко. Его имя — Артуро Перес-Реверте.

La Repubblica

Артуро Перес-Реверте знает, как удерживать читательское внимание страницу за страницей.

The New York Times Review

Этот роман бьет наотмашь — и читателю остается только ловить воздух ртом.

Corriere della Sera

Не успеваешь переверачивать страницы.

Publishers Weekly

Перес-Реверте дарит нам увлекательную и умную игру истории с вымыслом.

The Times

Типичный Перес-Реверте — радикально современный, умный и сложный. Каждая его книга создает неотразимую психологическую атмосферу.

The Boston Globe Book Review

Здесь рассказывается о том, как в ночь с 25 на 26 июля 1938 года в начале битвы на Эбро бойцы XI сводной бригады Республиканской армии — 2890 мужчин и 18 женщин — переплыли реку, захватили плацдарм у городка Кастельетс-дель-Сегре и удерживали его десять дней.

В действительности ни Кастельетса, ни XI бригады, ни войск, противостоявших ей «На линии огня», никогда не существовало. Но хотя номера воинских частей, названия населенных пунктов и имена персонажей вымышлены, зато события, деяния и люди, которые стали прообразами героев этой книги, вполне реальны. Именно так в те дни, в те трагические годы сражались по обе стороны фронта отцы и деды возможных читателей этой книги.

Об одной из самых жестоких и кровопролитных битв, когда-либо происходивших на испанской земле, — о боях на Эбро, в ходе которых погибло больше двадцати тысяч республиканцев и националистов, — существует обширный массив документов, включающий многочисленные прямые свидетельства, рапорты и донесения. На этом материале автор, сочетая скрупулезно выверенную реальность с вымыслом, используя личные и семейные воспоминания, и выстроил свое повествование.

Красные дерутся упорно, отстаивают каждую пядь земли и погибают мужественно. Они родились в Испании. Они — испанцы, и значит, храбрецы.

Хуан Ягуэ, франкистский генерал

Мы не были красными чудовищами, а они — фашистскими людоедами. И они, и мы — лучшие из них и из нас — были молоды и добры. Говорю это потому, что, как мне кажется, стало модно обливать нас и их грязью. Думаю, нам стоило бы сообща заткнуть клеветникам глотку.

*Офицер 46-й дивизии
Республиканской армии. «Альфамбра»*

Понимать язык врага, говорить на одном языке с теми, кто убивает тебя и кого должен убить ты, — это сущее мучение, это невыносимо тяжкое бремя, легшее на наши плечи... Человек, который произносит слова «любимая» и «друг», «дерево» и «товарищ» в точности, как ты... Который выражает радость теми же словами и ругается так же, как ты. Который рядом с тобой, под одним знаменем, шел бы в атаку на чужеземных захватчиков.

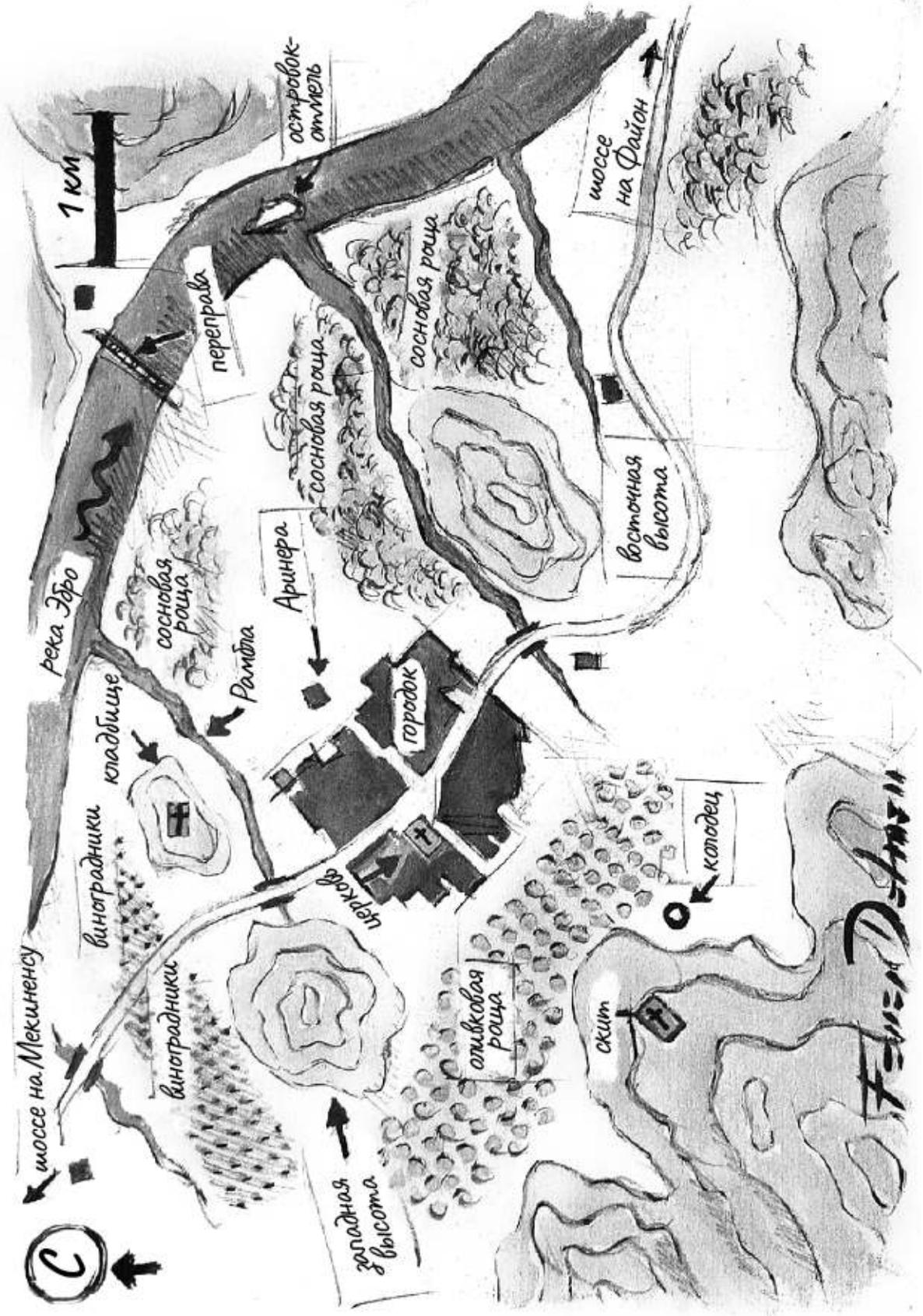
*Рафаэль Гарсия Серрано.
«Верная пехота»*

Стойкость против упорства, отвага против храбрости, и — смею сказать — доблесть против доблести и героизм против героизма. Ибо в этой битве испанцы дрались с испанцами.

*Висенте Рохо, начальник
Генерального штаба Республиканской армии*

О господи, какие звери. Но какие люди!

*Артуро Барера.
«Так выковывают мятежника»*

1 км

шоссе на Мекинену

кладбище

виноградники

река Зоро

сосновая роща

Рамбла

Аринера

городок

церковь

сосновая роща

сосновая роща

отиковая роща

западная высота

шоссе на Файон

восточная высота

скуп

колодец

O'Feyn D'Amn

*Посвящается
Аугусто Ферреру-Дальмау, баталисту*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ТЕНИ НА БЕРЕГУ

I

Время — 00:15; ночь безлунная.

Восемнадцать женщин из взвода связи, притаясь во тьме, неподвижно и немо смотрят, как движется к берегу реки густая вереница теней.

Ни слова, ни вздоха. Только шуршат сотни подошв по земле, влажной от утренней росы, да изредка негромко лязгнут, соприкоснувшись, винтовки, штыки, каски, фляги.

Цепочка темных силуэтов кажется бесконечной.

Взвод, присев у ограды разрушенного дома, уже больше часа ждет своей очереди выдвигаться. Исполняя приказ, никто не курит, не разговаривает и почти не шевелится.

Самой юной во взводе — девятнадцать лет, самой старшей — сорок три года. В отличие от ополченок, которых так любят фоторепортеры иностранных газет, но никогда не встретишь на передовой, никто не носит винтовку и патронташ. Подобное хорошо для пропаганды или для изустных легенд, но никак не для выполнения предназначенных им задач. Восемнадцать связисток к показухе не склонны: на боку у каждой пистолет, за спиной — тяжелый ранец, рации, антенны, два гелиографа, полевые телефоны, большие катушки с проводами. Все пошли на фронт добровольно, все здоровы, крепки, дисциплинированы, все либо «сознательные активистки» компартии, либо уже получили партбилет, все — лучшие из лучших, прошедшие подготовку в Москве или в мадридской «Школе Владимира Ильича» под руководством советских инструкторов. Только этих женщин включили в состав XI сводной бригады и доверили им форсировать

реку. Их задача — не сражаться с врагом, а под неприятельским огнем обеспечивать связь на плацдарме, который по замыслу республиканского командования должен быть создан в секторе Кастельетс-дель-Сегре.

Патрисия Монсон — сослуживицы зовут ее Пато — меняет позу, чтобы ремни катушки с пятьюстами метрами провода не так больно врезались в плечи. Пато сидит на земле, опершись спиной о свою кладь, и смотрит на скользящие впереди темные фигуры, которые идут в бой — пока еще не начавшийся. Одежда ее вымокла от ночной росы и от сырого тумана, наползающего с реки. За спиной у нее катушка в деревянном решетчатом ящике, а потому вещевой мешок придется бросить здесь — его обещали доставить со вторым эшелонem; большие карманы синего комбинезона набиты всем необходимым — там вырезанный из автомобильной покрышки жгут, чтобы остановить кровотечение, индивидуальный пакет, носовой платок, две пачки сигарет «Лаки страйк» и фитильная зажигалка, личные документы, размноженный на гектографе план местности, который раздал им комиссар бригады, пара носков и запасные трусики, три тканевые прокладки и упаковка ваты на случай месячных, полкусочка мыла, банка сардин, ломоть черствого хлеба, техническое руководство по связи, зубная щетка, зубочистка, которую зажимают в зубах¹ во время обстрела или бомбежки, швейцарский нож со щечками из рога.

— Приготовиться... Сейчас и мы двинемся.

По взводу пробегает шумок. Пато Монсон облизывает губы, глубоко вздыхает, снова меняет позу, поудобнее прилаживая ремни на плечи, поднимает к небу голову в пилотке, надвинутой на брови. Никогда еще она не видела такого множества звезд.

В настоящем бою ей предстоит участвовать впервые,

но она руководствуется чужим опытом. Узнав, что через сорок два часа должна будет оказаться на другом берегу Эбро, она, как и почти все остальные связистки во взводе, остриглась наголо: на это имелись две важные причины — чтобы издали нельзя было определить ее пол и чтобы в ближайшие дни, когда будет не до гигиены, обезопасить себя от вшей и прочих паразитов. Благодаря этому она будто обрела черты двуполого существа и в облике двадцатитрехлетней девушки проступило сходство с мальчиком-подростком, чему еще больше способствуют пилотка, синий комбинезон, перепоясанный ремнем, который оттягивают фляга, кобура с пистолетом «ТТ-33» и две запасные обоймы. На шее у нее, связанные шнурками, висят подбитые гвоздями русские армейские ботинки, выданные неделю назад, еще не разношенные, а потому натершие волдыри на пятках, так что теперь приходится ей ходить в альпаргатах.

— Подъем! Вот теперь и впрямь пора.

Это подал голос единственный во взводе мужчина — лейтенант-ополченец Эрминио Санчес. Его невысокая хрупкая фигура снует среди связисток. В темноте лица не разглядеть, но, наверно, оно такое же, как всегда, — худое, небритое, с постоянной улыбкой. Он — коммунист, как и большинство офицеров и сержантов в бригаде. Его любят, да и как не любить этого славного малого в роговых очках на носу, с башенками — эмблемами инженерных войск — в петлицах, с вечными прибаутками о священниках и монахинях на устах, с выбивающимися из-под фуражки завитками волос — рано поседевших и таких курчавых, что снискали ему прозвище Харпо².

— В одну шеренгу становись.

Тяжелое дыхание, приглушенный говор, звон амуниции — взвод в темноте поднимается с земли. Девушки, подталкивая друг друга, выстраиваются вдоль

ограды, наугад выравнивают строй.

Стараясь не думать о том, что ждет их всех на другом берегу реки, и сама удивляясь, что чувствует не страх, а только сосущую пустоту под ложечкой, Пато вглядывается туда, где у кромки воды ждут *плавсредства* — рыбацьи лодки, баркасы, плоты. Для переправы через Эбро и высадки, предшествующей генеральному наступлению, в ходе которого Кастельетс окажется на самой оконечности западного фланга, Республика реквизировала от Мекиненсы до Средиземного моря все, что может держаться на воде.

— Вперед — и без шума, — шепчет Харпо. — Фашисты пока не догадались, что им готовится.

— Бог даст, когда догадаются, поздно будет, — отвечает женский голос.

— Если бы проваландались еще час, в самый раз было бы, — звучит другой.

— Наши уже начали переправу?

— Только что... Плывут с гранатами и легким вооружением на автомобильных шинах... Мы их вчера видели.

— Чтобы в такую ночь да в таком месте лезть в воду, надо быть отчаянными ребятами.

— Но на том берегу пока тихо.

— Добрый знак.

— Хоть бы это продлилось, пока мы не высадимся...

— Ну, хорош болтать! Заткнуться всем.

Этот сердитый приказ отдан сержантом Ремедьос Экспосито. Ее хрипловатый, отрывистый, резкий голос — «московский говорок», как шутят ее подчиненные, — ни с чьим другим не спутаешь. Ремедьос — женщина сухая и суровая, настоящая коммунистка. Во взводе она старше всех годами и званием. Штурмовала казармы Ла-Монтаньи, обороняла Мадрид, месяц стажировалась в Ленинграде, в Академии связи имени Буденного. Вдова: мужа-синдикалиста убили в Сомосьерре в июле

36-го.

— Далеко еще до реки? — спрашивает кто-то.

— Отставить разговоры, кому сказано?!

Стараясь не споткнуться, держась за впередиидущего, они бредут в темноте. Только и света что от звезд, густо рассыпанных по небу.

Невидимая дорога полого спускается к берегу. Сейчас с обеих сторон уже смутно вырисовываются многочисленные кучки людей, застывших в ожидании. Пахнет пропотелой и грязной одеждой, ружейным маслом, мужским телом.

— Стой. Пригнись.

Пато, как и все, подчиняется. Лямки ящика с катушкой немилосердно врезаются в плечи, и, воспользовавшись заминкой, она, не снимая его, опускается на землю.

— Если кому надо облегчиться, — шепчет Харпо, — давайте сейчас.

Кто-то из девушек пытается присесть. Но Пато слишком неудобно — сначала надо снять ящик, расстегнуть комбинезон, а потом опять навьючиться, — а потому она решает помочиться прямо так, в чем есть. И, замерев, чувствует, как горячая влага течет меж ног, пропитывает штанины комбинезона, и так влажные от росы.

Висента Эспи, оказавшаяся рядом, поддерживает ее за плечо. Эта пухленькая красоточка работала на заводе Зингера, а года за два до мятежа Франко, разодевшись в пух и прах, представляла свой квартал на праздничном шествии в честь святого Иосифа. Валенсианка, как зовут ее подруги, тоже впервые участвует в боевой операции. В ранце у нее — два полевых телефона, каждый — по десять килограммов весом: русский аппарат «Красная заря» и второй, трофейный, взятый у фашистов под Теруэлем, — «Фельдферншпрехер НК-33». Она, как и Пато, состояла в молодежной

коммунистической организации, а познакомились они четыре месяца назад в школе связистов — ходили в увольнение на танцы или в кино, делились девичьими секретами. Славная девочка эта Валенсианка, брат у нее — артиллерист, воюет на этом же фронте.

— Пописала?

— В штаны.

— Я тоже. Дай бог, чтоб повезло и сегодня ночью ничем больше не залились.

Они стоят рядом, плечом к плечу. Ждут. В тишине слышно только, как совсем близко шумит река и — приглушенно, но все же отчетливо — как идет погрузка в лодки. От этого берега до противоположного здесь — полтора метра. Пато сама подсчитала расстояние на плане: полтора метра воды, тьмы и неизвестности.

Харпо и сержант Экспосито, проходя вдоль строя, дают инструкции:

— В лодке уже есть двое гребцов, значит садимся по шесть человек в каждую, — вполголоса говорит лейтенант.

— Разве переправу не навели? — спрашивает кто-то.

— Понтоны до рассвета не успеют, а мы отправляемся немедленно.

— А что будет, если по нам откроют огонь, когда мы будем на середине реки?

— Да ничего не будет — не кричать и вообще голос не подавать, пока не доплывете до того берега...

— Понятно? — припечатывает сержант.

— А если течением снесет?

— Товарищи, переправившиеся вплавь, протянули канаты с берега на берег... Над самой водой и чуть наискось, чтобы использовать течение.

— Понятно? — жестко и настойчиво повторяет Экспосито.

Ей отвечает общий утвердительный шепот.

— Ма-ать твою, какие девочки, — доносится с правой обочины мужской голос с хорошим мадридским выговором.

Эти слова тотчас подхватывает приглушенный мужской хор, где предвкушение перебивается комплиментами — подхватывает, но тут же смолкает, оборванный командой.

— Береги придатки, девчонки! — раздаётся напоследок чей-то шепот.

И снова — сосредоточенная тишина, которую нарушают только негромкие звуки, долетающие от воды. Пато слышит плеск воды под лопастями весел, стук дерева, звон железа, отданные полусшепотом приказы. На том берегу пока царит безмолвие. Девушка знает, что в эту самую минуту ниже по течению, между Кастельетсом и Ампостой, с извилистого берега, протянувшегося на сто пятьдесят километров, шесть республиканских дивизий по двенадцати направлениям форсируют Эбро, чтобы внезапно ударить по франкистскому гарнизону. Замыслы высокого начальства в подробностях неизвестны, но ходят слухи, что в ходе наступления планируется взять Масалуку, Вильяльбу, Гандесу и горную гряду Пандольс, чтобы оттуда двинуться к Средиземному морю и отбить захваченный Винарос.

— Пошли, — пролетает вдоль строя команда Харпо.

Пато идет вместе с другими, следом за Валенсианкой, углубляясь в заросли тростника, а те чем ближе к реке, тем гуще и доходят до пояса. Мокрые штанины студят бедра, по телу пробегает озноб, и девушка стискивает зубы, чтобы не стучали, а то кто-нибудь решит, что это у нее со страху, а не от холода.

Все рыхлее и влажнее почва. Ноги в альпаргатах вязнут по щиколотку: земля раскисла от сотен ног, а дальше становится настоящим болотом.

— Стой. Первая шестерка — в лодку.

Вот теперь в отраженном свечении звезд на воде можно различить темные силуэты лодок. Стучат, сталкиваясь, борта, чавкает жидкая грязь, плещет вода. Гребцы вполголоса, стараясь, чтоб вышло потише, поторапливают связисток:

— Руку, руку давай сюда, хватайся... Давай же. Вот так, хорошо.

Черный как ночь берег усеян россыпями светлых пятнышек. Пато засматривается на них, но в этот миг чувствует, что вот-вот потеряет завязшую в земле альпаргату, и наклоняется потуже завязать ремешки. Прежде чем снова выпрямиться, с удивлением и интересом рассматривает берег, по которому, как на празднике, будто рассыпаны сотни конфетти.

— Вторая шестерка — пошла... Шевелитесь.

Пато снимает ящик с катушкой, ставит его в лодку. Если вдруг что пойдет не так, не хотелось бы барахтаться в воде с таким грузом за спиной. Хватит и того, что карманы комбинезона набиты всякой всячиной. Потом упирается руками в борт, переносит поочередно обе ноги — и оказывается в узкой лодке, вплотную к своим товаркам. Рядом плюхается Валенсианка. Кто-то отталкивает лодку от берега, слышится стук весел о дерево.

— Хватайтесь за канат и подтягивайте лодку, помогайте гребцам и течению, — говорит рулевой.

Обдирая ладони о толстый мокрый канат, шесть девушек выполняют приказ. Слышно их тяжелое дыхание. На противоположном берегу по-прежнему тихо: очевидно, что фашисты пока ничего не заметили, однако в любую минуту все может перемениться. Все знают это и потому стараются, чтобы лодка как можно быстрее двигалась к темной полоске берега — с каждой минутой она видна все отчетливей.

В этот миг до Пато доходит наконец, откуда взялись сотни бумажных клочков на берегу: прежде чем

отправиться навстречу ближайшему и совершенно неведомому будущему, в прямом и переносном смысле окутанному мраком, все бойцы штурмового отряда уничтожают свои документы — членские билеты компартии, профсоюзов, Федерации анархистов и прочие. Неизвестно, что произойдет в первые минуты боя, но, если попадешь в плен, такая книжечка может стоить тебе жизни.

Это открытие обрушивается на нее как оплеуха, и впервые за эту ночь смутная тревога уступает место страху. Настоящему и небывалому еще — теперь она ясно сознает это — страху: сильная непонятная дрожь, зародившись где-то в паху, медленно поднимается к животу, охватывает грудь, доползает до пересохшей глотки, до головы, отуманенной предчувствиями. Сердце бешено колотится, холодеет, будто заволоченное стылой, серой, грязной пеленой.

И Пато, охваченная этим ужасом — неизведанным доселе, не похожим ни на что прежде испытанное, — выпускает из рук канат и торопливо роется в карманах, отыскивая партбилет; находит его, рвет в клочки, бросает за борт.

В сотне шагов от берега пехотинец Хинес Горгель Мартинес, который сидит в своей стрелковой ячейке, положив винтовку Маузера на бруствер, а стальную каску — на землю, ощупью насыпает табак из кисета, сворачивает самокрутку, проводит языком по краю бумажки, заклеивая ее, вертит в пальцах, подносит ко рту. Темень такая, что видны только белые пятна его рук.

На аванпостах курить запрещено, но до смены — еще три часа, а начальства поблизости не видно. Хинеса никак нельзя считать образцом дисциплинированного солдата, выполняющего все приказы, — скорее наоборот. Ему тридцать четыре года, он умеет читать и

писать, знает четыре правила арифметики. В его послужном списке — если бы таковой сейчас у кого-нибудь имелся — было бы отмечено участие в боевых действиях при Брунете и под Теруэлем, но в обоих эпизодах он старался в самое пекло не лезть, благо к такому поведению у него прирожденный талант. Любого врача спроси — он тебе скажет, что пули и осколки чрезвычайно вредны для здоровья.

Горгель, достав из кармана зажигалку, сгибается в три погибели, чтобы высеченная искра была незаметна, крутит колесико и прикуривает от дымящегося фитиля. Пряча самокрутку в ладони, глубоко затягивается, а потом надевает каску, приподнимается немного, вглядывается в чернильную черноту: не слышно ничего, кроме сверчков, не видно ничего, кроме звезд. Даже ветер стих. Убедившись, что все спокойно, солдат снова усаживается на дно окопа, спиной к реке.

Он не видит, но знает, что слева и справа от него в таких же окопчиках сидят его товарищи. Двести метров берега они держат вшестером, что заставляет усомниться в умственных способностях тех, у кого под началом войска, обороняющие сектор Кастельетс, — половина пехотного батальона, *табор*³ марокканцев и рота легионеров. Всех их, думает он, так же клонит в сон от скуки, как и его самого. На фронте — затишье, а слухи о готовящемся наступлении противника — слухи и есть, а веры им нет. Кроме того, имеется прекрасная естественная преграда — река. И поставлены проволочные заграждения. Вот потому, скорчившись на дне ячейки, закрыв от ночной росы ноги полами шинели, удостоверившись, что ни с боков, ни сзади никто не заметит огонек его сигаретки, Горгель покуривает в свое удовольствие.

Покуривает и думает, что не будь реки между ним и красными, он перебежал бы к ним. Да, если бы не было реки и хватило бы духа.

Эта мысль уже не раз приходила ему в голову, потому что Альбасете, откуда он родом, находится в республиканской зоне. В Альбасете у него остались жена, сын, вдовья мать, сестра, а он вот служит в неприятельской армии оттого лишь, что так карта легла: 18 июля 1936 года в Севилье, где он тогда работал, его мобилизовали. В сущности говоря, он по профессии плотник, в политике не разбирается, ни в каких организациях, включая футбольный клуб, сроду не состоял, ему что те, что эти — все едино. Однажды, правда, голосовал за левых, но когда же это было? Кончится же когда-нибудь эта война, и кто бы ни победил, людям снова понадобятся двери, окна, столы и стулья взамен переломанных за последние годы. И потому при мыслях о семье — а письма, которые он посылает кружным путем, через одного родича, осевшего во Франции, либо не доходят, либо остаются без ответа — Горгеля охватывает самая черная тоска. И таких, как он, много и на той стороне, и на этой.

Да, хватило бы духу, давно перешел бы линию фронта. Однако расхолаживает история четверых однополчан, которые попытались было перебежать, но попались и были расстреляны. Впрочем, сейчас уже и смысла нет рисковать — все твердят в один голос, что скоро войне конец: красные терпят поражение за поражением и им, по всему видать, крышка. А раз так, имеет смысл держаться националистов и сейчас, и когда, бог даст, вернется в Альбасете. И возьмется за плотницкое свое ремесло.

Он бережно гасит окурок и прячет его в кисет: шесть недокуренных самокруток — все равно что одна целая, и тут ему чудится какой-то звук, донесшийся от реки: как будто стукнуло дерево о дерево. Выпрямившись в своем окопчике, он вглядывается в берег, но взгляд тонет в непроницаемой тьме. Потом смотрит налево и направо, на соседние ячейки, где сидят его товарищи. Но и там

ничего — ночь да безмолвие.

Ненавижу эти проклятые караулы, думает он.

И совсем уж было собравшись снова скорчиться на дне, вдруг отмечает, что тишина теперь стала совсем уже полной — смолкли сверчки, трещавшие в кустах. Немного удивившись, он снова пытливо всматривается во мрак, окутывающий все пространство от окопа до реки. Ничего подозрительного не улавливает — когда сидишь в передовом охранении, чего только не примерещится, — но все же решает не расслабляться. Настораживают эти внезапно стихшие сверчки.

Подумав немного, он достает две гранаты «лафитт», кладет их на бруствер окопчика, у приклада винтовки. Эти ручные бомбы — ударного действия, а в боевое состояние приводятся во время броска, когда разматываются четыре витка ленты, выдергивающей чеку. Капризная штука: взрывается иногда на середине полета, убивая не врага, а того, кто метнул. Потому их и прозвали «беспристрастными». Но что есть, тем и воюют: красные тоже их используют и тоже от них страдают. Весят они почти полкило, а летят, в зависимости от силы броска, метров на двадцать-тридцать. На всякий случай Горгель снимает с обеих проволочные рогатки-предохранители — теперь гранаты готовы к бою.

И все-таки он колеблется. Если в такой час поднять тревогу, в соседних окопах немедленно откроют вслепую беспорядочную стрельбу, которая перебудит все расположение — и офицеров, само собой, тоже. А если она окажется ложной, им это вряд ли понравится. И по головке за это не погладят. Будут неприятности, а зачем они ему? — ни малейшей склонности у него к ним нет, и не уговаривайте даже. Так что лучше удостовериться точно, а уж потом вступать в бой на свой страх и риск. К числу его достоинств относится умение действовать скрытно, не раз спасавшее ему

жизнь. Осторожность — мать мудрости, как уверяют ученые люди. Ну или что-то в этом роде. А его, за два года не получившего ни единой царапины — ни за Бога, ни за отчизну, — в самом прямом смысле можно счесть стреляным воробьем.

Ну, Хинес, шевелись, говорит он себе. Не жди, когда свалится тебе на голову.

Но в эту минуту он делает лишь то, что в его силах, — застегивает подбородный ремешок каски, берет винтовку: гранаты не в счет. Из пяти патронов в обойме, которую он вставил в маузер, заступая в караул, один уже дослан в ствол, так что Горгелю остается лишь снять оружие с предохранителя и положить указательный палец на спуск. Потом он вытягивает шею и напрягает зрение, чтобы хоть что-нибудь разглядеть в темноте. И наостряет уши.

Ничего.

Ни света, ни звука. Тишина.

Однако сверчки молчат как молчали.

Но зато теперь явственно доносится прежний звук — как будто ударилось дерево о дерево. Доносится откуда-то издали, со стороны черного берега. Разумеется, это может быть все что угодно. Но могут быть и красные. Там нет ничего, кроме проволочных заграждений, и свои там не ходят — тем более в темноте. И потому совершенно лишне окликать: «Стой, кто идет?» — или требовать: «Пароль!» Так что Горгель, не мудрствуя, откладывает винтовку, берет в руку гранату, привстает, чтобы размахнуться как следует, и швыряет ее изо всех сил в сторону реки. И, еще не дав грохнуть первой, бросает ей вслед вторую.

Пум-ба. Пум-ба.

Два разрыва с интервалом в две-три секунды. Две стремительные оранжевые вспышки разносят мотки колючей проволоки, укрепленные на железных опорах. И на миг высвечивают десятки черных фигурок — густо,

как муравьи, они медленно продвигаются от берега.

Увидев такое, Хинес Горгель, оставив шинель и винтовку, выскакивает из окопчика и в страхе мчится к позициям своих.

Хулиан Панисо Серрано, вымокший и вымазанный тиной по грудь — лодка, на которой он переправлялся, оказалась из гнилого дерева и у самого берега погрузилась в воду, — пригибаясь, лезет вверх по склону, поросшему кустарником.

Трудно двигаться в мокрой, облепленной илом одежде, таща на горбу двадцать шесть килограммов груза — автомат МР-28 II с длинными магазинами на тридцать шесть патронов, нож, подсумки, ранец, моток запального шнура, детонаторы и тротилловые шашки. Кроме всего этого, он вместе с напарником несет автомобильное колесо, с помощью которого можно будет преодолеть проволочные заграждения. Эти двое, как и еще восемьдесят человек из саперной роты Первого батальона, идут в первой линии атаки на городок Кастельетс. Им предстоит расчищать подходы.

Поначалу все шло хорошо — высадились благополучно и тихо, скрытно начали приближаться — пока справа и очень близко не разорвались одна за другой две гранаты. Потом там и тут по всему фронту засверкали вспышки, затрещали выстрелы, зазвучал глухой грохот взрывов. Покуда, и по счастью, противник лупит наугад, вслепую и кто во что горазд — очевидно же, что атаки он не ждал и какими силами она предпринята, не знает, — хотя время от времени поблизости разрывается граната, и вот только что пулеметная очередь, ударив слева, высекла искры из камней между кустов.

— Живей давай!

Это кричит Панисо своему напарнику: тот споткнулся в темноте и припал к земле, спрятавшись за колесом. Напарника зовут Франсиско Ольмос, он тоже из

Мурсии, бывший шахтер, коммунист с 34-го года, когда членов партии было, можно сказать, наперечет — это уж потом, при обороне Мадрида они показали такую железную дисциплину, проявили такую стойкость, что превратились в решающую силу, стали ядром народной армии, которая пришла на смену пылким, но неумелым ополченцам. И Панисо, и Ольмос — сперва подрывники-самоучки, потом саперы — участвовали едва ли не во всех сражениях, какие только были после фашистского мятежа, не пропустили ни Мадрида, ни Санта-Мария-де-Ла-Кабеса, ни Брунете, ни Бельчите, ни Теруэля. Что называется, прошли славный боевой путь.

Задача им поставлена такая: когда переберутся через проволочные заграждения, взорвать блокгауз, откуда пулемет — судя по звуку: ра-та-та-та, ра-та-та-та, ра-та-та-та — это «гочкис», машинка эффективная и смертоносная — бьет по левому флангу наступающих республиканцев. Пулеметчики, кажется, не вполне еще оправились от неожиданности и не обрели должную сноровку, а потому садят длинными очередями беспорядочно и суматошно, однако скоро, надо полагать, поведут прицельную стрельбу. И огонь будет губительным, особенно когда рассветет. Именно поэтому Панисо, Ольмос и еще четверо — те, кому приказано уничтожить пулеметное гнездо, — весь вчерашний день провели на противоположном берегу, рассматривая в бинокль будущее место действия. Изучив все до последнего кустика и камешка.

— Шевелись, шевелись, черти.

С этими словами он оборачивается и помогает напарнику тянуть за собой тяжеленную шину. И натывается в темноте на колючую проволоку. Встреча вышла неприятная — острые шипы разодрали ему брючины на коленях. Ругаясь сквозь зубы, он высвобождается, а потом, почти ощупью, вместе с Ольмосом, бросает скат на проволоку, пригибая ее к

земле. Карабкается по нему и спрыгивает по другую сторону заграждений, а за ним — и остальные пятеро.

Теперь уже вдоль всего берега идет ожесточенная пальба, а кто-то совсем рядом бьет из винтовки, но все мимо. Может быть, франкист заметил, как они перебирались через проволоку, и выпустил пару зарядов почти наугад. «Заметил» — это ведь только так говорится: ничего заметить невозможно. Тьма, тени, вспышки выстрелов. Панисо и его люди не отвечают, чтобы не выдать себя. Всему свое время.

— Куда же, к черту, деревья подевались? — недоумевает Панисо.

— Впереди вроде.

— «Вроде»?

— Точно тебе говорю. Метрах в тридцати.

— Уверен?

— Как в победе пролетарской революции.

Он столько раз рассматривал местность при свете дня, что сейчас словно держит ее план перед глазами: несколько отдельно стоящих сосен, небольшая лощина и — на пригорке — блокгауз. Несмотря на сырой ночной холод, Панисо страшно жарко. Он знает — это от напряжения. Так уже бывало, и не раз. Когда он выпрямляется и шагает вперед, держа палец на спусковом крючке, обильный пот перемешивается с грязью, облепившей лицо и одежду. Когда успокоюсь, думает он, в дрожь бросит. Однако ему еще долго не удастся успокоиться, и, прежде чем это произойдет, придется навсегда успокоить других. Тех, кто сейчас так шумит.

Ра-та-та-та, ра-та-та-та, ра-та-та-та. Треск пулемета помогает ориентироваться, и сапер, пригнувшись, уверенно движется вперед, пока вытянутая перед собой ладонь не липнет к смолистому стволу сосны. Мы почти на месте, соображает он. Вот и лощинка, куда прыгают все шестеро. Шагах в двадцати, не дальше, короткими,